

Лариса Бутырина

Априори Life 3

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84(2)6
Б93

Бутырина Л.

Априори Life 3 / Бутырина Л. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 333 с.

ISBN 978-5-532-93381-1

Когда восприятие нового не уместается в рамки привычного. Когда каждое усилие направленное на личную выгоду обречено на провал. Когда любое стремление порожденное желанием полюбоваться собой, издевательски утопает в насмешках... тогда-то и наступает момент выбора - остановиться или продолжить нестись по накатанной. Во все времена находятся те, кто будучи в круговороте хаоса не побоялся замедлиться. Те, кто отважился заглянуть за грани суждений и отказаться от того, что было важным вчера. Те, кто решился оглохнуть в безумстве потоков мнений вокруг... Те, кто несмотря ни на что, делают ставку на новый уровень. Более глубокий масштабный и значимый, нежели примитивная прихоть и похоть. Уровень, где возможно с легкостью улавливать главное, наполняться решимостью и делать свои открытия. Уровень, где так просто, наконец, посмотреть на себя, раскрыть свою мощь и более не сомневаться. Здесь-то и начинается самое увлекательное путешествие. Здесь начинается жизнь. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-93381-1

© Бутырина Л., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	153

В событиях на вряд ли найдется доля реальности;
все непонятное можно додумать, все необъяснимое –
принять и пропустить.

P.S. Я все еще не исповедуюсь.

Глава 1

Тяжело ли написать книгу? Тяжело ли написать действительно хорошую книгу с актуальным сюжетом и сильной строкой? Сложно сразу ответить, чтоб не отдался крайности демагогии и воспоминаниям. Есть события, которые невозможно придумать, их можно только пережить, чтобы потом говорить о них спокойно. И обязательно помнить, что писать нужно, не тогда, когда заставляешь себя сотворить «шедевр», а когда не можешь иначе, – не можешь не писать. Это и есть, наверное, одна из ключевых причин, почему книжки пишутся не в кабинетах. Вернее, там они тоже пишутся. Но самые интересные, – в иных немногих местах. В тюрьмах, окопах, на салфетках дешевых кафе.... Ведь хорошая книга – она, как карманный психоаналитик и терапевт. Она не дарит откровения. Она не выложит сразу всё. Хорошая книга лишь укрепляет каждого в своих самостоятельных догадках. Ее назначение – не утолять жажду информации. Оно лежит через страхи – дает понять, что ты не один, есть еще кто-то, кого мучают те же вопросы. Она – просто одно из мест, где мы бережно храним то, что боимся забыть. И нет в ней никакой тайны и волшебства. Волшебство лишь в том, о чем она говорит именно тебе, и в том, как она сшивает лоскутки вселенной в единое целое.

Восходящее солнце разрезало прозрачное небо, неторопливо сшивая лоскутки нового дня. Я встречала их с парашюта деревянной постройки в ночной сорочке и босиком, украдкой вникая в себя неизбежное. Мое любимое ощущение. Прозрачность? разлитая в воздухе. Раннее утро. Свежесть. Рассвет. Макс замертво отрубился минут двадцать назад, так и не закончив дела первой важности в свете тусклого монитора. Он бы сидел еще до сих пор, если бы я не обнаружила отсутствие его рук на моем теле в тот момент, когда с приоткрытого окна потянуло прохладой. Пришлось вставать и забирать эти руки, устало, но настырно бегающие по клавиатуре, на законное их место. Метод применялся известный и практикуемый. Нежность называется. Безотказно работает в совокупности с

неслышными шагами за его спиной, трепетными прикосновениями к плечам и тихим шепотом в самое ухо:

« По вселенной пешком
В сердце тайну храня,
Я пришла за тобой,
Чтоб ты выбрал меня.
Чтоб остался со мной,
Не пытаюсь понять.
Я пришла за тобой,
У других, чтоб забрать...»

Забрал тогда он меня. Властно, резко, немного грубо. Сквозь напор, накал и безумие навалившихся на него событий. Он не был готов тогда к тем нервным перегрузкам. К ним в принципе невозможно подготовиться, поэтому вполне объяснимым и закономерным было его желание той порции одиночества, которая время от времени необходима каждому человеку. Но мужчина всегда найдет в себе силы и выход из неприятностей, если его любит красивая женщина. Любит по-настоящему. Искренне, открыто и без истерик.

Настоящую любовь не спутаешь ни с чем, — она тиха. И нежна. И тактична. В ней всегда достаточно ума, чтоб в нужный момент просто промолчать. Промолчать, когда человеку плохо и не давить на него советами. Промолчать, когда плохо самой — не просить советов и не вываливать все на близкого человека. Он знает ровно столько же, сколько и ты, и вряд ли решит то состояние, к которому не причастен. Ведь сколь ни разрывало бы изнутри, сколь ни тянуло бы обрушиться скандалом, всегда найдется пара секунд, чтоб сделать глубокий вдох и вспомнить, о том, что ты никому и никогда не рассказываешь: как он называет тебя наедине, какими приятными мелочами радуется, как крепко сжимает твою руку, когда вы просто идете по улице. То самое сокровенное, что ты не делишь ни с кем. Ты наслаждаешься этим сама. Только с такой «дурой», мужчина найдет в себе силы рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и опять путаться, и вечно бороться. Снова и снова, раз за разом он найдет в себе силы подняться, ведь спокойствие для него с некоторых пор

– лишь душевная трусость. Никто не рождается бойцом по жизни, точно так же, как никто не рождается обычным человеком. Каждый сам себя делает либо тем, либо другим. Но у первого всегда есть одно негласное и потому сильнейшее конкурентное преимущество, – он умеет любить свою женщину с умом и желать ее при этом безумно.

Поэтому вся его жизнь бурлит, как бесконечная битва, и продлится она такой до последнего ее момента.

Однако, в любом доказанном правиле существует своя статистика и среднее ее значение, по массе своей превалирует. Это как если по данным Росстат 3% всего населения ежедневно питаются исключительно мясом, а 97% – только капустой, то среднестатистически каждый гражданин изо дня в день ест голубцы. Один из таких «голубцов» при всей явной трехпроцентности в семейной жизни, по природе своей оказался-таки форменным травоядным, или проще выражаясь козлом, со всеми присущими данной натуре качествами, и которого я столь неоднократно грозила убить. Убивать мне его так и не пришлось. Он сам это сделал. Собственноручно. В желание видеть возле себя «истинную леди», он с упорством игнорировал, что сам не всегда и не во всем джентльмен, чем лишь демонстрировал свою малохолизм и моральное нищество. Оно, к слову, в волю вырвалось наружу в период нашей последней встречи. После того, как я отошла от ряда связывающих нас дел, он умудрился свести на нет почти все наши начинания. Уж, по какой причине, я не особо вникала, – мне всегда было по большей части без разницы, почему случается очередное падение. Случается, значит, случается. Значит, пришло время сказать спасибо, что на тебя, наконец, снова обратили внимания и обрушили на голову ситуации провоцирующие развитие. Какая здесь, к черту, разница, почему в очередной раз обрушили? Раз обрушили, – надо выстоять. Но он не выстоял. Ровно, как и в тот день, он едва ли стоял на ногах после недели беспробудного пьянства.

– Ты жалок, Ваню, – говорила я, сидя на низком табурете в тесной засаленной кухонке малогабаритной хрущевки, доставшейся ему после смерти родителей, и в которые он перебрался сразу после

окончательного разрыва с супругой. – Жалость, – последнее чувство, которое мне хотелось бы к кому либо испытывать – оно мне не приятно, но ничего другого ты во мне, увы, не вызываешь.

Он лишь хмыкнул в ответ и налил в стопку липкую жидкость бардового цвета.

– И дело не в том, что ты сейчас не просто на дне, – ты в него зарылся. Дело в том, что осознав и прочувствовав иной уровень жизни, ты все равно остановил свой выбор на этом. Выходит бедность – это твой осознанный выбор. Бедность – это состояние твоей души. Ведь иметь деньги, а вместе с ними власть и влияние, а затем потерять их – куда хуже, чем не иметь их вовсе. Это говорит лишь о том, что ты не в состоянии был оценить, то, что у тебя в раз появилось. Ровным счетом, как и человека, связавшего с тобой судьбу, не смотря ни на что...

Он уже было поднес стопку ко рту, но, не успев опрокинуть, установился на меня исподлобья.

– Ты ведь самоутверждался за счет нее. Все пытался из нее «жену эксперта» вылепить. Только ты – не эксперт, dna не хватило в свое время, чтоб посягнуть на тот уровень, да и она – в той среде не бывала. «Жена» знала свою роль в той среде. Твоя же даже сценарий не читала, а воссоздать для нее самостоятельно нужную обстановку ты так и не смог. Вместо этого лишь отвергал протянутую все это время руку, так же как и многие другие, впрочем, протянутые до нее...

– Если судьба свела их всех со мной, значит, пришла пора им за что-то расплачиваться, – пробасил он и брызнул смехом. – Ты же всегда любила повторять, что жизнь людей просто так не сводит...

Любила. И по сей день с удовольствием повторяю. Потому, что убеждена, что каждый человек, в жизни другого, как ружье на чеховской сцене: если есть, – обязательно выстрелит. И, как правило, кто, чем заряжен, тот тем и выстреливает. И там уже не особо-то важно куда. Главное, что выстреливает. И совсем другое, – ментальная мастурбация, – сидеть, думать, рассуждать о своем предназначении, вместо того, чтобы «выстрелить», вместо того, чтобы просто заняться делом. В таких осечках люди, как правило, и расходятся.

Когда выходит так, что если люди не сходятся в главном, они всегда расходятся по пустякам. Пустяком может послужить даже чей-то неуместный хохот...

Ванька тем временем хохотал во весь голос, оголяя в надменном оскале коричневые зубы. Нескладный, отвратительный, пьяновато-хамоватый. Бывший партнер по бизнесу. Старый друг и товарищ. Мощнейший мозг, почти два метра бесформенного тела, надменная гримаса, сломанный в студенчестве нос. Грязные всклокоченные волосы торчали дыбом, и запоздало покачивались вслед за подергиваниями головы. Я смотрела на него с нарастающим отвращением и думала о закономерностях жизни. Все в ней взаимосвязано. Все цепляется одно за другое. Почему, к примеру, рядом с нищетой всегда грязь? Грязь – это проявление не безденежья, а менталитета, а поскольку грязь и нищета – соседи, то и нищета – это своеобразный менталитет.

Вместе они подавляют человека, привычный вид убогой обстановки программирует быть неудачником. Можно, конечно, возразить, что ненависть к нищете стимулирует некоторых развиваться и зарабатывать деньги, однако, куда большее количество людей ломается под непосильным бременем, так и не удосужившись вовремя разобраться в шкафу. У слов «беда» и «бедность» один корень. И как есть фраза: «Богатство – это состояние ума». Так же, и нищета – это тоже состояние ума». И зарождается она в немытой голове.

Я улыбнулась нахлынувшим внезапно воспоминаниям с легким привкусом горечи на языке, и непроизвольно запустила руку под волосы. После ночных заездов и соприкосновений с внутренней текстурой неизменного шлема они всегда становились более жесткими и приобретали какой-то особый ни с чем не сравнимый запах. До сих пор я не могу найти ему определения. Как не нахожу себе места, когда долго не ощущаю его. В последние годы я все больше любила с ним засыпать и улавливать сквозь безмятежности снов от волос Макса почти такой же. Я четко помню, как ощутила его, когда села рядом с ним на продавленный бак в одной ночной сорочке, и собственноручно сняла с него шлем. Это был тот самый раз, когда впервые среди ночи я не обнаружила его в постели, но уловив в

темноте приглушенную работу двигателя, мне не составило особого труда понять, где его отыскать. Мы тогда долго просидели с работающим мотором, так и не проронив ни слова. Я – в легкой полупрозрачной тунике и ботах на босую ногу, он – мокрый, взъерошенный после усиленной тренировки, так некстати начавшегося ночного дождя и со щемящей тоской внутри. Я так и держала в одной руке его шлем, обвивая за торс ногами, он крепко прижимал меня, комкая сквозь перчатки тонкую ткань на спине складными и крепкими руками, и уткнулся лицом в плечо. Дождь к моменту моего прихода чуть ослабел, но не перестал. После десятиминутного пребывания под ним я вымокла насквозь. Физически мне было не очень приятно, морально – наплевать. Разодранная на части душа в моих руках была гораздо важнее.

– Ты захватишь этот мир, а я сделаю его лучше, – тихо заговорила я, когда он начал приходить в себя, а я окончательно продрогла.

Он ничего тогда не ответил, лишь прижал меня к себе еще сильнее и направил мотоцикл к гаражу, стараясь не давать мне почувствовать, как это недосказанное буквально душит его изнутри. А потом заставлял жадно и часто дышать, чтобы только не задохнуться от переполняющей нежности, когда он выносил меня на руках из ангара. Как он управлялся со мной среди плотно заставленного помещения в крошечной тьме, я не помню. Помню лишь, как край моей майки зацепился за внешнюю ручку двери и остался на ней, лишая меня большей части и без того немногочисленного одеяния. Добравшись, наконец, до постели, мы еще долго лежали молча, согревая друг друга. Я не видела его лица, но знала, что его глаза, как и мои сейчас не закрыты.

Фонарь отбрасывал на потолок дрожащую тень листвы. Быстрыми, длинными волнами дождь гулял по вершинам деревьев, бил по крыше и окнам – неугомонный, осенний. Казалось, спальня была наполнена невысказанными фразами и тревожной тишиной, как на мосту, который вот-вот рухнет. Но он не рухнул в ту ночь. Он выстоял.

Почти с прежней яркостью погружаясь в пережитые эмоции, я перевела взгляд на дверь ангара. Та самая ручка призывно сверк-